

По заказу этих же правительственных кругов выполняется и роспись Царицыной палаты для царицы Ирины, в которую включается также и цикл композиций о царице Динаре. В этом цикле особенно акцентируются христианская добродетель и воинская доблесть Динары, а главное — победа над «нечестивыми иноверцами», дарованная ей в результате ее молитвы перед иконой богородицы.

Почти одновременно (около 1584 г.) Повесть о Динаре включается в список «Истории о Казанском царстве», которую М. Н. Сперанский считает близкой к официальным правительственным кругам,⁶⁰ и связывает создание самой Повести с наиболее образованной тогдашней правительственной средой, не чуждавшейся непосредственного участия в литературе.⁶¹

Возникает вопрос, не могла ли и наша редкая икона, известная в единственном экземпляре, в которой, как мы уже сказали, почти дословно повторены два самых важных эпизода из композиции росписи Царицыной палаты, также быть созданной по какому-то специальному дворцовому заказу в конце XVI в.

Икона с изображением Динары происходит из Донского монастыря, основанного в 1592—1593 гг. в память избавления Москвы от набега хана Казы-Гирея (1591 г.), когда он, подойдя к Москве, остановился на Воробьевых горах. При приближении неприятеля были приняты все меры. Торопились всевозможными средствами укрепить оборону города, особенно с южной стороны, откуда ждали нападения. Благоприятный исход защиты Москвы решило изобретение князем М. И. Воротынским своего рода «подвижной крепости», названной «Гуляй-город».

Большой интерес представляет свидетельство летописи, отметившей, что, в то время как Борис Годунов спешил с сооружением необходимых укреплений для обороны Москвы, царь Федор Иванович беспрестанно и днем и ночью молился перед иконой богородицы, прося о защите и избавлении Москвы от хана Казы-Гирея. В молитве он вспомнил всех древних царей-победителей: Езекиила — царя израильского, избавившего Иерусалим от нападения ассирийского царя, вспомнил, как Владимирская богородица избавила Константинополь от персидского царя Хозроя,⁶² вспомнил образ Донской богородицы, с помощью которой Дмитрий Иванович одержал победу над Мамаем на Куликовом поле.⁶³ Средневековое мировоззрение не могло не приписать одержанную победу и спасение Москвы от Казы-Гирея вмешательству и чудесной помощи богородицы.⁶⁴ Поэтому

⁶⁰ Там же; Г. Н. Моисеева. Автор «Казанской истории». — ТОДРА, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 280.

⁶¹ М. Н. Сперанский, стр. 83.

⁶² ПСРЛ, т. XIV, первая половина, СПб., 1910, стр. 12—14 и сл.

⁶³ Там же; И. Е. Забелин. Историческое описание Московского... Донского монастыря. М., 1865, стр. 3, 5—6 и прим. 3; Н. М. Карамзин. История Государства Российского, изд. 4, т. X, СПб., 1834, стр. 138, 140, прим. 270.

⁶⁴ Иван III молился перед иконой богородицы, ища защиты против Ахмата. На месте стояния Ивана III против Ахмата выстроен Угро-Баратынский Спасский монастырь (И. М. Кудрявцев. Послание на Угру Вассиана Рыло. — ТОДРА, т. VIII, М.—Л., 1954, стр. 158—186). Царь Иван IV молится перед иконой богородицы перед походом на Казань (ГБЛ, ф. 173, № 98, История о Казанском царстве, л. 190 об.). На иконе Сергия Радонежского с житийными клеймами (XVII в.) из Ростово-Ярославского историко-архитектурного художественного музея-заповедника (И-394) в нижней части изображены сцены моления Дмитрия Ивановича перед иконой (В. В. Филатов. Изображение «Сказания о Мамаевом побоище» на иконе XVII в. — ТОДРА, т. XVI, М.—Л., 1960, вклейка между стр. 400—401).